

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Каталин Куглер

(Kugler Katalin, József Attila Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

В данной статье подводятся итоги многолетней работы над составлением русско-венгерского словаря газетной речи. В вышедшем первом варианте словаря (Kugler 1994), которым мы хотели оказать помощь изучающим и преподающим русский язык, собрано больше 3000 лексических единиц, которых нет в двухтомном русско-венгерском словаре (Hádrovics-Gáldi (szerk.) 1986). Работа над словарем продолжается, и после выхода упомянутого словаря уже собраны сотни новых слов, найденных в дошедших до нас русских газетах, еженедельниках, журналах с самым различным профилем.

На основе проведенной работы позволим себе сделать несколько общих замечаний относительно теперешнего состояния языка газет. Как правило, о состоянии современного русского языка судят в наши дни главным образом на основе публицистической речи, реализуемой средствами массовой информации. Если сравнить стиль доперестроечных и постперестроечных газетных публикаций, то различия действительно колоссальные. Некоторые лингвисты по этому поводу бьют набат, говорят о порче языка (Костомаров 1994), другие относятся к этим новым явлениям более толерантно (Бельчиков 1993, Складневская 1992).

В числе аномалий современного русского языка упоминается прежде всего его англицизация, точнее американизация. Повальное распространение англицизмов/американизмов в печати и в повседневном общении бесспорный факт. Однако большинство иноязычных заимствований, ставших общеупотребительными в последние годы, например, в финансово-банковской сфере как *дилер*, *брокер*, *менеджер*, *биржа* и пр. употреблялись и до этого, правда, узким кругом специалистов или с отрицательным оттенком как реалии порочного капитализма. Многие англицизмы были освоены молоде-

жью уже в 60–70 годы, напр., *сейшн*, *флэт*, *гринь*, *лейбл* и пр., в большей мере в 80-е годы, но тогда они не имели "доступ" в газетную речь и подхватывались лишь немногими писателями (Борисова-Лукашенец 1983: 104–120). Неологизмы в сфере компьютерной техники как *дискэт*, *дисплей*, *принтер*; в сфере рок-музыки, развлекательной электроники и моды как *хит-парад*, *хард-рок*, *шоу*, *диск*, *плейер*, *клип*; *бермуды*, *стреч*, *блейзер*, *кардиган* и пр. мы должны отнести к интернационализмам и примириться с их появлением и на газетных полосах.

Коммуникативно немотивированное, чрезмерное, стилистически не оправданное употребление англицизмов в газетном тексте мы тоже считаем проявлением дурного тона, данью моде. Вполне заменимы синонимичными словами и конструкциями *шопинг* (*покупки*), *саммит* (*встреча в верхах, на высшем уровне*), *рейтинг* (*степень популярности какого-л. лица или явления*). С другой стороны, мы должны признать, что некоторые иноязычные лексические инновации уже вполне освоены литературным языком, включены в морфологическую систему русского языка, о чем свидетельствует множество образованных от них производных слов. Например, *спонсор* – *спонсорство*, *спонсировать*, *спонсирование*; *лобби* – *лоббизм*, *лоббировать*, *лоббист*, *лоббистский*; *рэкети*р – *рэкети*рство, *рэкети*рский, *рэкети*ровать (об этом см. подробнее Костомаров 1994: 81–109). Многие иноязычные заимствования подвергаются семантическим трансформациям, о которых пойдет речь позже.

В книге О.Б. Сиротининой об особенностях современной разговорной речи (Сиротинина 1974: 74) мы нашли следующую характеристику разговорной лексики: а) широкие возможности использования любого слова русского языка; б) практическое отсутствие каких-либо ограничений в использовании как книжной, терминологической, так и собственно разговорной и даже просторечной (добавим даже жаргонной) лексики; в) образование окказионализмов и расширение значения слов. С учетом генетической разницы, наличия множества различных экстралингвистических факторов, данная выше характеристика может быть применена и к современному статусу публицистической речи.

Что же привело к такому состоянию языка прессы? Процессы, подготовившие, можно сказать, фундаментальные изменения в литературном языке, начались в эпоху перестройки. Тогда уже были сняты запреты на определенные исторические, политические темы, началась демократизация общества и прессы. Этот процесс ускорило принятие резолюции о "гласности" в 1988-м году. Люди, захлебываясь, читали свежие номера "Огонька" и газеты "Аргументы и факты". (В начале 1989 года "Огонек" имел почти 3 миллиона читателей, а в октябре того же года "Аргументы и факты" — 22 миллиона читателей.) К этому времени советская официальная пресса перестала быть идеологическим монолитом. Рамки тоталитаризма разшатывали и "неформальные" издания, митинги. Завершением демократизации был закон "О печати и других средствах массовой информации", который вступил в силу 1-го августа 1990 года. Этим кончился и период самиздата и началась эра независимой прессы. (См. об этом процессе: Лысакова 1993.)

Главным образом после "путча" 1991 года быстрыми темпами шла ломка старых устоев, *демонтаж социализма, департизация, деbüroкратизация, деидеологизация общества*. Вслед за этим исчезли и словесные атрибуты *однопартийной* системы, надоевшие политические стандарты, партийный канцелярит, бессмысленные метафоры типа *заря коммунизма*. Обновление экономики, политической, социальной жизни отражал язык прессы множеством неологизмов, по необходимости заимствованных из других языков, неслучайно как раз из английского языка.

Снятием цензуры исчезли всякие табу, следовательно тематический спектр газетных публикаций стал безграничным. Обращение к запрещенным доселе темам, как секс, наркомания, преступность, привели к обогащению лексики газет, главным образом, за счет раньше тоже табуированных в партийной прессе жаргонизмов, просторечных, порой блатных слов. Сегодня в газетах чужая речь стилистически уже не обрабатывается, поэтому не удивительно встретить такую фразу в интервью со следователем: "Но стоит хоть чуть *спеться* с бандитами, принять их подарок, *наобещать* чего-то, *набрехать* — и очень просто *замордуют* до смерти" (Мегаполис-Экспресс 1995, № 19, 6).

Изменение лексики и в связи с ним стилистической тональности русской прессы объясняется и новым отношением журналистов к своим читателям. Исчезла не только идеологическая односторонность, но и назидательный тон, вместо них появились непосредственность, доверительность, порой панибратское отношение к читателю. Идет явная конкурентная борьба между газетами, важным аспектом стала продаваемость. Следовательно, надо писать броско, порой вызывающе, чтобы газета читалась и продавалась. Переход к тематическому многообразию, к новой тональности, конечно, не лишен "словесных перегибов", иногда вульгарности, непривычной раньше фривольности, но мы считаем их признаками естественного развития лексики, проявлением стилистического своеобразия современной публицистической речи.

Из наблюдаемых фактов следует, что в языке прессы меняется соотношение книжных-нейтральных-разговорных элементов в пользу сниженных элементов, и обобщенно можно сказать, что уменьшается оппозиция устной разговорной речи и письменных, книжных разновидностей литературного языка.

Пополнение словарного состава любого литературного языка может идти путем внутреннего (из просторечия, жаргона, диалектов) и внешнего (из разных языков) заимствования, путем словообразования и семантических изменений. В дальнейшем мы остановимся на некоторых явлениях семантического обогащения газетной лексики.

Многие термины, закрепленные за определенной тематической сферой, попадая в чужеродную среду, приобретают переносное значение. Так было и со следующими словами из спортивной лексики. Многим известны термины, связанные с боксом как *апперкот* (удар снизу в подбородок или туловище), *нокаут*, *нокдаун*, *раунд*; также *прессинг*, *тайм-аут*. В последние годы они стали употребляться более широко, напр., при описании экономического положения страны: *вывести экономику из нокдауна*¹; в отношении диплома-

¹ *Нокдаун* обозначает состояние боксера, возникшее в результате полученного удара, при коротом он не способен продолжать бой в течение нескольких, но не более 10 секунд (Петрова 1984). *Вывести экономику из нокдауна* обозначает: поставить экономику на ноги, привести в себя из шокового состояния.

тических событий: *делегация взяла очередной тайм-аут*² (Труд 22. 09. 1993, 2); *усилился прессинг местных организаций демократов* (Независимая газета 18. 02. 1992, 13). Расширение семантики слова *нокаут* уже зафиксировано новым одното́мным толковым словарем (Ожегов-Шведова 1994) и также включен в словарь термин *тайм-аут*, правда только со спортивным значением. Следующий пример свидетельствует об обратном процессе. Слово *легионер* пришло из военной лексики в спортивную, где обозначает: иностранный игрок в футбольной команде.

Перенос значения наблюдается и при слове *конверсия*, которое к своему наиболее распространенному банковско-финансовому значению³ приобрело значение: "Процесс полного или частичного перевода предприятий оборонной промышленности на производство гражданской продукции и товаров народного потребления" (Максимов 1992: 98), однако основное ядро семантики слова, т.е. значение превращения, изменения сохранилось. Перед нами случай семантической инновации лексики, когда для обозначенных новых явлений общественно-экономической жизни заимствуется слово из другой тематической среды, к семе которого прирастает новое значение. Его условно можно назвать квазинеологизмом.

Из научной речи перешли в публицистическую речь такие слова как *генерировать*, *индуцировать*, *стабилизатор*, *инициировать* и пр. В новой тематической сфере модифицируется их значение, расширяются их сочетаемостные возможности, возникают новые семантические приращения. В следующем примере к значению слова *генерировать* 'производить, возбуждать' (напр. электрические, упругие колебания) добавляется значение 'создать, выдать', т.е. по существу активизируется исходное значение заимствованного латинского слова 'создать, порождать': "Номенклатура *генерировала* взамен Шушкевича свою органическую частицу" (Литературная газета 1994, № 5, 3). В данном предложении атрибутивная конструкция хранит еще

² Данное выражение обозначает: делегация снова попросила перерыв в переговорах, следовательно, решение проблем откладывается.

³ Данное слово употребляется как термин и в генетике, физике и в лингвистике.

отпечаток научного стиля, глагол *генерировать* как будто не смог целиком оторваться от привычного лексического окружения. Термин *стабилизатор* употребляется в следующей фразе самостоятельно, без налета научного стиля, приобретая значение 'сила, обеспечивающая политическую стабильность, равновесие, постоянство': "Россия должна играть пассивную, однако важную роль *стабилизатора*" (Спутник 1993, № 11, 22). Новую коннотацию имеет и существительное *инициирование*: "... *инициирование* аппаратчиками левой и правой оппозиции" (Независимая газета 27. 03. 1993). То есть под воздействием аппаратчиков началась такая цепная реакция, которая привела к возникновению левой и правой оппозиции. Узус приведенных выше слов явно расширяется, меняются нормы сочетаемости слов, что в конечном счете обогащает возможности языковой реализации новых коммуникативных задач.

Вполне освоены уже публицистической речью такие прилагательные как *взрывоопасный, центростремительный, центробежный*. Бывает же в политической жизни *взрывоопасная* ситуация, также *взрывоопасные* проблемы; или *центробежные* силы, которые хотят оторваться от опеки центра, то есть от влияния Москвы, или наоборот *центростремительные* силы, которые борются за унитарное государство, то есть за сохранение целостности бывшей империи. Внутрисловная семантическая модификация произошла здесь по метафорическому сдвигу ассоциативной связи.

Метафорический способ расширения семантики слова часто встречается при употреблении жаргонизмов. В публицистической речи для повышения экспрессии часто употребляется субстантивированное прилагательное *деревянные*, в значении 'советские деньги, рубли'. С тем же значением встречается и эвфемистичное словосочетание *деревянная валюта*. В данном жаргонизме активизируется переносное значение слова ('лишенная естественной подвижности, бесчувственный'), и дополняется смысловым оттенком отсутствия жизнеспособности, обесцененности. Такое образное название девальвированных русских денег имеет ироническую окраску, особую экспрессию.

В дальнейшем мы приводим несколько примеров метонимического типа расширения семантики слова. Трупы советских воинов привозили на родину из Афганистана в цинковых гробах. Существительное *цинк* вобрало в себя значение словосочетания *цинковый*

гроб по метонимической ассоциативной связи и целиком заменил его, осуществляя принцип языковой экономии, обладая при этом общепонятностью и образностью.

Следующие словосочетания являются также примерами метонимизации лексики: *черные береты* (бойцы ОМОН, омовцы), *голубые каски* (солдаты ООН), *зеленые береты* (особые части и подразделения в вооруженных силах США). Жаргонное *зеленые*, в значении 'доллары', является тоже метонимичным, как и омонимичное слово, обозначающее сторонников движения зеленых, т.е. борцов за охрану окружающей среды.

Дальше мы хотим остановиться на лексеме *экология*, которая из научного термина вследствие широкой употребительности на страницах популярных газет и журналов превратилась в общеупотребительное слово. О новом статусе слова в лексике русского языка свидетельствует и его включение в новый однотомный толковый словарь (Ожегов-Шведова 1994). Кстати, стилистическая нейтрализация этого слова связана с явлением "гласности", ведь о тревожных вопросах экологии стали говорить открыто и доступно для непосвященного читателя главным образом начиная с 1989 года. Эта тема по своей актуальности не сходит со страниц газет, об экологических проблемах земли дискутируют ныне уже на самых различных уровнях. Изменение валентности слова, образование новых производных слов от него – вполне объяснимо, однако встречается и не вполне приемлемое употребление слова *экология*.

В упомянутом словаре дается два значения слова: 1) наука об отношениях растительных и животных организмов друг к другу и к окружающей их среде; 2) состояние организмов, населяющих общую территорию, их отношения друг к другу и к окружающей среде. Второе значение развивается дальше в словосочетании *социальная экология*, в которое включается новый семантический элемент 'общество', расширяя взаимоотношения 'человек – окружающая среда'. Эта семантическая линия продолжается в словосочетании *экология культуры*, где 'окружающая среда' уже переосмысливается, лишается своего первоначального значения. Под *экологией языка* подразумевается уже не только социальная, культурная сфера, в которой функционирует данный язык, но и потребность очистить эту среду.

(В связи с языком часто употребляется из той же терминологии метафорическое *загрязнение языка*). Л.И. Скворцов (1988) идет дальше, употребляя выражение *экология слова*. В данном случае на первый план выходит момент бережного отношения к языку, необходимость изменить отношение к новым языковым явлениям, т.е. потребность разработать стратегию "охраны" языка.

Производное от изучаемого слова прилагательное *экологический* сохраняет значение 'относящийся к экологии' в словосочетаниях *экологические разыскания, экологические проблемы. Экологическая опасность* обозначает уже 'критическое положение окружающей среды в данном регионе', следовательно надо заботиться об *экологической безопасности* какой-л. страны и т.п. Метафорическое переосмысление понятия встречается в следующих словосочетаниях: *экологическая пропасть, экологический тупик*. Вследствие широкого употребления валентность слова явно меняется, и семантика слова обогащается новыми оттенками. Иногда кажется, что сочетаемостные возможности данного прилагательного безграничны, правда, семантические сдвиги без контекста не всегда понятны. О. Хабаров (1994) в своей статье (откуда взяты последующие примеры) пишет об *экологической державе*, где в государственном масштабе заботятся о защите окружающей среды, где осуществляется *экоинтернациональное мышление*, следовательно можно мечтать и об "объединенной экологической Евразии" во главе с Россией. Довольно парадоксальным кажется словосочетание *экологическая диктатура*, ведь второй элемент словосочетания имеет негативную коннотацию, и надо хорошо подумать, при каких условиях и в какой форме допустима диктатура даже во имя защиты окружающей среды. Семантический диссонанс ощущается и в выражении *государственно-экологический патриотизм*, ведь в один ряд попали административно-прагматический и не лишенный эмоциональных моментов подходы пусть во имя экологических целей. В окказиональном употреблении прилагательного в словосочетании *экологические шоу* (имеются в виду встречи глав государств, как, например, *зеленый саммит* в Рио де Жанейро) перед нами случай семантической компрессии: ироническое употребление существительного подчеркивает бессмысленность, бесполезность этих встреч по проблемам экологии Земли, нашей *экоферы*.

Другое производное прилагательное *экологичный* приобрело значение 'безвредный': *экологичный агрегат, экологичная установка*. Эти устройства созданы уже с учетом правил, обеспечивающих *экологичность*, то есть безопасность, безвредность для окружающей среды. Эти случаи говорят о стремлении носителей языка к экономии, и пока критерии общепонятности соблюдаются, эти семантические инновации приемлемы. Однако такое словосочетание как *экология рабочего места* считаем неудачным, ведь в одной семантической цепи оказались слово с глобальным значением и слово, обозначающее сугубо конкретное, прозаичное.

К отрицательным явлениям лексико-семантических изменений мы должны отнести и следующее: подхват некоторых книжных слов, которые вытесняют синонимичные варианты, напр., слово *структура* употребляется вместо *группировки, системы, аппарата* и т.п. (см. *предпринимательские, криминальные, коммерческие, силовые, президентские* и т.п. *структуры*); *пространство* (*рублевое, экономическое, культурное, единое информационное* и даже *конституционное (!) пространство*) употребляется вместо слов *сфера, территория, зона* и т.п. Модное *имидж* вытесняет слова *представление, облик, репутация, мнение*. Растущая валентность некоторых модных слов приводит, к сожалению, к оскудению синонимичной вариативности словоупотребления.

В публицистическую речь давно перешло из жаргонной лексики слово *крутой* со значением 'высшая степень чего-л.', 'неординарный, переходящий норму', 'напряженный, неприятный' (Рожанский 1992: 29). Чересчур частое употребление этого слова вызывает ослабление экспрессии, расплывчатость семантики слова приводит к неточному выражению мысли говорящего, и возможно, к неадекватному восприятию сообщаемого. То же самое можно сказать об употреблении слов *обвал, обвальный* в переносном значении (см. примеры Костомарова (1994: 135–136)).

Да, действительно, в языке русских газет заметно немало отрицательных явлений, порой и порча языка. Однако мы считаем, что не стоит драматизировать сложившуюся ситуацию. Нам думается, что в сегодняшней бурной круговерти русский язык окрепнет, отсеив ненужные, дисгармоничные, не вписывающиеся в систему языка элементы. Хочется верить в балансирующую роль классиче-

ской и современной литературы. Надеемся, что она останется ориентиром для журналистов и наших дней. На наш взгляд, идеологические, тематические, языковые запреты в советской печати, постоянное вдалбливание бессмысленных штампов, ложной фразеологии приносили больше вреда в течение десятилетий как морально, так и в языковом плане, чем небрежность, порой, можно сказать, языковая "разнузданность" некоторых журналистов. Языковой взрыв в печати заметен в большей мере из-за контраста. В устной разговорной речи, где тематическая и лексическая свобода и раньше не ограничивалась (имеется в виду общение в неофициальной сфере), такого контраста в словоупотреблении сегодня мы не находим. Надеемся также, что в русской печати эйфория от "вседозволенности" пройдет, если станет ясным, что свобода в России не преходящее явление, что цензура отменена навсегда, и тогда основными критериями газетных публикаций станут: талант и нравственность. А талантливый журналист должен обладать хорошим вкусом и чувством меры и в плане языковых инноваций.

ЛИТЕРАТУРА

- Бельчиков, Ю.Б. 1993, "Что было выражено словом, то было в жизни...". *Русская речь* № 3, 30–35.
- Борисова-Лукашенец, Е.Г. 1983, О лексике современного молодежного жаргона (англоязычные заимствования в студенческом сленге 60–70-х годов). В кн.: *Литературная норма в лексике и фразеологии*. М.: Наука, 104–120.
- Костомаров, В.Г. 1994, *Языковой вкус эпохи*. М.: Педагогика-Пресс.
- Лысакова, И.П. 1993, *Пресса перестройки*. СПб.: Астра-Люкс.
- Максимов, В.И. (ред.) 1992, *Словарь перестройки*. СПб.: Златоуст.
- Ожегов, С.И. – Шведова, Н.Ю. 1994, *Толковый словарь русского языка*. М.: Азъ, 2-е изд., испр. и доп.
- Петрова, Ф.Н. (гл. ред.) 1984, *Словарь иностранных слов*. М.: Русский язык.
- Рожанский, Ф.И. 1992, *Сленг хиппи*. СПб.–Париж: Издательство Европейского дома.
- Сиротнигина, О.Б. 1974, *Современная разговорная речь и ее особенности*. М.: Просвещение.
- Скворцов, Л.И. 1988, Культура языка и экология слова. *Русская речь* № 4, 3–9.
- Скляревская, Г.Н. 1992, О состоянии русского языка. *Русская речь* № 5, 39–42.
- Хабаров, О. 1994, Нужна экологическая диктатура. *Спутник* 1994, № 8, 63–67.
- Hadrovics L. – Gáldi L. (szerk.) 1986, *Orosz-magyar szótár I-II*. Budapest: Akadémiai Kiadó, VII. változatlan kiadás.
- Kugler K. 1994, *Orosz-magyar sajtónyelvi szótár*. Szeged.